

В ТВОЁМ СНЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ТЕЛЕПОВА ЗЛАТА

Злата Телёпова

В твоём сне

«Автор»

2026

Телепова З.

В твоём сне / З. Телепова — «Автор», 2026

Есть сны, которые отпускают. А есть тот, из которого не просыпаются. Каждую полночь в тёплой темноте без дна и потолка она зовёт: «Помогите мне. Здесь кто-нибудь есть?» И однажды кто-то отвечает. Он называет её Мэгги — и сам не знает откуда. Она не помнит ни своего имени, ни лица, ни того, что случилось той туманной ночью на набережной Дуная. Он — юрист из Будапешта, человек, который верит только в доказательства. Она — ландшафтный дизайнер, чья память живёт не в голове, а в руках: герань в жестяных банках, записки в клеточку, серебристая заколка полумесяцем. Каждую полночь они встречаются в темноте — и по кусочкам собирают друг друга. А город, в котором они живут, берёт цену за всё: за сны, за память, за право проснуться. Это история о том, что память — не то, что в голове. Память — это то, что в руках. И о том, как двое людей, разделённых сном и явью, находят друг друга через одну полночь, которая растянулась на целую жизнь. Некоторые ночи можно только прожить — до утра.

© Телепова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

...	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

В твоём сне

...

роман

Есть сны, которые отпускают. А есть тот, из которого не просыпаются.

Мэгги не помнит, как очутилась в тёплой, бездонной темноте. Она знает только одно: здесь нет утра, нет имён — и каждую полночь темнота раскрывается перед ней, как дверь. Но однажды в пустоте раздаётся голос. «Помогите мне. Здесь кто-нибудь есть?» — спрашивает она. «Я здесь», — отвечает он.

Так начинается их полночь, которая не заканчивается. Двое безымянных — она и он, Уилл, — вместе зажигают город из темноты: фонарь за фонарём, букву за буквой на пустой вывеске, где медленно проступает слово «найдена». По одну сторону сна — темнота и дверь, по другую — реальный Будапешт, где девушка лежит в больнице за холмом, а юрист Лука Варга носит в кармане чужую заколку и свою записку с обещанием: «Я не отпустил. Я иду за тобой».

Но у сна есть свои правила, и у сна есть цена. И чем ближе они к разгадке того, кто они друг другу на самом деле, тем яснее становится: чтобы вернуться, кому-то придётся забыть всё — включая человека, которого он спас когда-то на реке, не выпуская из руки.

Это история о том, что память — не то, что в голове. Память — это то, что в руках. И о том, как двое людей, разделённых сном и явью, всё-таки находят друг друга: через записки в клеточку, герань в жестяных банках и одну полночь, которая растянулась на целую жизнь.

Пролог

Река в том месте была обманчиво мелкой у берега и вонзалась сразу — как будто дно обрывалось на полшаге.

Он это знал. Ему говорили. Он всё равно пошёл за мячом.

Вода сомкнулась надо ртом раньше, чем он успел крикнуть. Мальчик бил руками, но вода была равнодушна и тянула его вниз, к тому месту, где даже света не было. Он подумал — странная мысль для восьмилетнего, — что теперь он будет всегда здесь. Всегда. Как эти камни на дне.

И тогда чья-то рука нашла его в темноте.

Маленькая, узкая, царапнутая о корягу.

Девочка не вытащила его — она была меньше его ростом. Она сделала другое: не отпустила. Она держала его за руку так, что он знал: пока она держит — дна не будет. Он выкашлялся на берегу, лежал и дрожал, а она сидела рядом и молчала.

Когда прибежали взрослые, её уже не было.

Только на песке остался маленький мокрый след — она была босиком.

И всё.

Он так и не узнал её имени. А она, кажется, вообще не считала это героизмом.

Дети не ведут счёт спасённым жизням.

Ему было восемь. Ей — семь.

Глава первая. Сон

Сначала не было ничего.

Ни пола, ни стен, ни неба — только темнота, тёплая и плотная, как воздух в комнате, где только что горела лампа. Он стоял в этой темноте и знал, что стоит, потому что чувствовал вес себя — и больше ничего не знал. Ни имени, ни дома, ни того, как он здесь оказался.

Он мог вспомнить многое. Звук трамвая. Запах дождя на горячем асфальте.
Как скрипит половица.

Он даже помнил, что боялся темноты — когда-то, в детстве, — а вот теперь не боялся, и это было странно. Но имя своё он вспомнить не мог. Оно было как слово, которое вертится на языке и не даётся в руки.

«Во сне нельзя помнить имя», — подумал он и удивился тому, что знает это, как знает своё дыхание.

А потом темнота содрогнулась.

— Помогите мне...

Голос был женский, молодой, и такой тихий, будто тот, кто говорил, сам боялся, что его услышат.

— Здесь кто-нибудь есть?

Он вслушивался. Голос не приближался и не удалялся — он был отовсюду, как бывает отовсюду в темноте.

— Эй! — в голосе прорезалась досада, как у человека, который зовёт уже не в первый раз и уже не надеется. — Ну хоть кто-нибудь. Хоть что-нибудь. Я не могу тут одна... Сколько можно...

Он сделал шаг, потому что тело хотело действия, а не мыслей.

— Я здесь.

Тишина стояла так долго, что он успел подумать: не расслышала. Или расслышала, но решила, что померещилось. Так бывает, когда просишь СЛИШКОМ ДОЛГО.

— Ты есть? — наконец сказала она, и голос у неё дрогнул. — Ты правда есть?

— Есть.

— Не смей исчезать, — она сказала это быстро, залпом, как будто боялась, что само право на его существование — отберут в любую секунду. — Слышишь? Сколько я сюда прихожу никого. Ни разу. А ты...

— Я тоже здесь впервые, — сказал он. — Как тебя зовут? — спросил он.

Пауза. Долгая.

— Не знаю, — сказала она. — Не помню. А ты?

— И я.

— Отлично, — она выдохнула что-то среднее между смешком и вздохом. — Двое безымянных в черноте. Темнота, поздравляю, ты наконец нашла себе парочку.

Где-то — не близко и не далеко — что-то тихо ударило. Раз. Второй. Третий...

— Слышишь? — она вдруг замерла. — Это что?

Удары были мягкие, медленные, как будто кто-то очень большой, но очень добрый отсчитывал время костяшками пальцев по дереву. Двенадцать.

Двенадцать — и темнота лопнула.

Без звука. Как пузырь. И до последней доли секунды он слышал, как она говорит — быстро-быстро, торопясь, как будто тоже поняла, что вот-вот:

— Стой, слушай, запомни: в ту же самую... я буду в ту же самую...

И не было ничего.

Глава вторая. Бесконечный сон

Она не знала, сколько здесь уже находится, потому что здесь не было утра.

Сны кончаются — это она знала твёрдо. У неё всю жизнь были сны, как у всех: обрывочные, нелогичные, с зубами, которые выпадают, и поездками, которые уходят без неё. Она даже как-то рассказала о них знакомой баристе, и та сказала: «А у меня часто снится, что я опаздываю на самолёт». Обычные сны. Они отпускали.

Этот не отпускал.

Это была темнота. Тёплая, ровная, без дна и без потолка. В ней можно было стоять, ходить, садиться — пол возникал под ногами сам, как будто темнота вежливо подставляла то, что нужно.

Здесь не хотелось есть и не хотелось спать.

Хотелось только одного — чтобы кто-нибудь был.

И она звала.

Сначала — с надеждой, потом — с упрямством, потом — по привычке, как здороваются с пустой квартирой. «Помогите мне. Здесь кто-нибудь есть?»

Она даже выучила собственную интонацию и иногда сердилась на себя: столько раз повторяешь одно и то же — хоть бы что-нибудь менялось.

Но сегодня темнота вдруг тихо ударила. Раз. Второй. Мягко, костяшками по дереву, отсчитывая время.

Двенадцать.

— Помогите мне, — сказала она на автомате.

— Ты уже сказала, — ответил голос.

Она вскочила. Не от испуга — от того, что у исполнения желаний оказалась такая обычная интонация. Немного хрипловатая, слегка насмешливая, мужская.

— Ты есть? — прошептала она. — Ты правда снова есть?

— Есть. Кажется. Насколько это можно проверить в темноте.

— Не смей исчезать. Слышишь? Я тебя предупредила.

— Предупредила, — согласился голос. — Принял к сведению. Можно не повторять дважды.

— Как тебя зовут?

Пауза была короткой — и от неё почему-то потеплело.

— Уилл, — сказал он. И будто сам удивился: — Уилл.

Да. Точно — Уилл. А ты?

Она открыла рот. И закрыла.

Имя не шло. Оно стояло где-то за плечом, как человек на автобусной остановке, до которого не дотянуться.

— Я не помню, — сказала она. Сказала спокойно, а внутри что-то качнулось, как вода в ведре. —

Забавно. Я помню, что такое имена. Я помню, что у меня было имя.

А какое — нет.

— Мэгги, — сказал Уилл неуверенно.

— Что?

— Мэгги, — повторил он. — Не знаю откуда. Просто в голову пришло.

Она молчала. Потом усмехнулась — тихо, почти неслышно.

— Мэгги, — попробовала она на вкус. Слово отозвалось где-то под рёбрами, как отозвалась бы старая знакомая. — Ладно. Пусть будет Мэгги. Если темнота не против.

— Темнота не против, — сказал Уилл.

— Откуда ты знаешь?

Оттуда же, откуда взял своё имя.

И они засмеялись — оба, впервые. В темноте их смех звучал непривычно громко, как в библиотеке, и от этого становилось почему-то не стыдно, а хорошо.

Потом она села — и заговорила. Она не собиралась, просто сорвалось, как сорвётся плотина, которую слишком долго подпирали.

— У меня сны, — сказала она. — Знаешь, что странно? Я в этом месте — но у меня есть сны. Как будто сны внутри сна. Я закрываю глаза — а тут можно и не открывать, всё равно темно, — и вижу.

Куски. Как будто кто-то режет мою жизнь на куски и показывает по одному.

Что за куски?

— Сад, — сказала она. — Всегда сад. Кто-то чужой просит: сделайте, чтобы тут было красиво. А я стою с лейкой и не знаю, с чего начать, и мне неловко. И старушка есть, я её не помню, но знаю, что она мне важна. И балкон, на балконе герань в жестяных банках. И... — она запнулась. — И река.

Часто река. Я стою на берегу, и мне страшно, хотя не знаю почему. Как будто там что-то такое, что я должна помнить. И ещё — заколка. Серебристая, полумесяцем. Я не вижу её, я просто знаю, что она у меня была. Всегда была.

И её больше нет, и от этого как будто чего-то не хватает. В голове — как зуб, который выдернули.

Уилл молчал. Потом сказал тихо:

Я тоже видел реку. Во сне, который был... раньше. До этого. Там тонул мальчик, и его держала за руку девочка. Она не вытащила его — она просто не отпускала. Пока не отпускала — дна не было.

— Какое совпадение, — сказала Мэгги. — Река.

— Да, — сказал Уилл. — Река.

И темнота мягко ударила. Раз. Второй...

— Стой, — сказала она быстро. — Запомни: полночь. Каждую полночь приходи сюда. Я не могу тут одна, я вообще не должна тут...

Она не договорила, что должна и что не должна, потому что не знала.

Ударил двенадцатый. Темнота вздохнула — и стало по-другому тихо. Но никто не ушёл. Никто никуда не проснулся. Она осталась — и он остался, и впервые за всё время ей было не одиноко, а только странно.

«Это не сон, — подумала она, засыпая, не зная, что засыпает, потому что здесь и так всегда была ночь. — Сны отпускают. А этот обещал прийти в полночь.

И пришёл».

Глава третья. Мэгги

Её звали Мэгги Ковач. Жила она в Пеште, на третьем этаже дома с облупленной лестницей, где пахнет пылью и геранью, — герань стояла на каждом подоконнике, потому что она их раздавала. Бесплатно. Соседи привыкли, а старушка с первого этажа так и вовсе раз в неделю приносила ей выпечку и рассказывала одно и то же про войну.

Мэгги слушала каждый раз, как в первый.

Работала она ландшафтным дизайнером — и, как и всякий человек, который делает видимое, была видимой ровно наполовину. Заказчики запоминали результат и забывали человека: «Ой, а вы Кто?» — «Я. Которая сделала вам сад». На холмах Буды у неё было полсотни беседок и террас; в Пеште — крыши, дворы-колодцы и одна клумба у подъезда, которую она сделала после того, как её об этом попросила старушка с первого этажа. Своих денег на это не хватало — она уговаривала питомники скидками и считала это честной формой вымогательства.

Она была маленькая, фигурная, с длинными тёмно-русыми волосами, которые вечно лезли в лицо, потому что она работала с наклонённой головой.

Зелёные глаза. На волосах всегда заколка — старая, серебристая, полумесяцем; бабушкина.

Она снимала её только чтобы помыть голову, и однажды, потеряв на вечер, перевернула квартиру вверх дном, нашла — в валенке, — и с тех пор слегка суеверничала.

Ругаться она умела. Не по-крупному, а по-бытовому — когда лопалась третья за день плёнка для парника или когда заказчик говорил: «А можно вот это дерево... ну, куда-нибудь

туда?» — «Туда» — это была клумба. Мэгги говорила тогда одно и то же слово, короткое, венгерское, и шла переделывать.

А ещё — этого она не узнала бы теперь, потому что не помнила, — за две недели до той ночи, которой в её памяти не было, к ней дважды приходил один и тот же человек. Высокий, в сером пальто, сидящий. В первый раз он звонил; Мэгги смотрела в глазок, не узнавала — и не открывала. Во второй раз он не звонил: она услышала шаги по лестнице, неспешные и ровные, как идут те, кто знает, что его ждут. В тот вечер она как раз переписывала тетрадь и на секунду замерла, прислушиваясь. Шаги замерли у двери. И ушли. Она так и не узнала, кто стоял у её двери и почему не постучал. «Неправильный адрес», — решила она, когда за окном снова стало тихо. Адрес не был неправильным. Неправильным был только этот человек.

А ещё она не спала. Уже несколько недель — с той ночи, как что-то случилось.

Она не могла вспомнить, что именно, и это её беспокоило меньше, чем должно было бы беспокоить.

«Недосып», — говорила она себе и покупала ещё один пакет чая с валерианой.

В тот вечер она возвращалась с Буда-холма, где сдавала заказ: соседний участок, терраса, три персика, которые она сама втайне называла «мои ребята». Было поздно. Над Дунаем стоял туман, редкий для этого сезона, плотный, молочный, как будто река наполовину испарилась.

Набережная была пуста.

Она помнила только это: туман. Перила. Мокрый камень.

Потом — ничего.

Свидетелей не было. Туман днём рассеялся, и вода вынесла то, что несла, к другому берегу, где всё и нашлось, — но это уже другая часть истории, и она произойдёт позже, в чужой главе.

То, что случилось потом, не попало ни в одну городскую сводку, потому что городу было нечего сообщать. Не было ни машины, ни виноватого, ни полиции. Была девушка, которая шла вдоль туманной набережной, и был мокрый камень, о который скользит любая подошва, — и перила, за которые не успели схватиться.

Заколка слетела с волос в ту же секунду, когда Мэгги пошла вниз, — полумесяц звякнул о камень, отскочил и исчез в тумане.

Она так ее и не нашла.

Во сне она знала только, что ее нет.

С той ночи она не просыпалась.

Врачи, когда её нашли, могли бы сказать, что это называется «вегетативное состояние» и что шансы стремятся к нулю. Но никто не сказал ей этого, и потому она не знала, что между жизнью и смертью есть ровно посередине место, тёплое, без дна и без потолка, где сидят люди и зовут в темноту.

Она знала только одно: она там есть.

И каждую полночь — она не знала, откуда знает это время, но знала железно, темнота раскрывалась перед ней, как дверь.

Только теперь она в ней не одна. Она не понимала почему, но была очень рада этому симпатичному незнакомцу.

Глава четвёртая. Первая вещь

Следующую полночь он прожил, как проживают приговор: сначала с отвращением, потом с покорностью, а к вечеру — с нетерпением.

Всё началось утром. Он встал, умылся, налил кофе и понял, что весь день будет мерить время до полуночи. Это бесило его больше всего. Уилл Варга умел ждать — ждать он умел профессионально, в залах суда, где ожидание растягивается на часы, — но здесь не было ни дела, ни оппонента, ни даже уверенности, что в полночь что-то вообще произойдёт. Может,

темнота больше не откроется. Может, всё это — трещина в голове, которая заварится сама, и в полночь он просто уснёт обычным сном, без той загадочной девушки.

Кофе он выпил не глядя. До пяти работал — контракт о наследстве, скучный до зубной боли, — и всю дорогу ловил себя на том, что читает одну и ту же страницу по три раза.

В одиннадцать он перестал притворяться.

Выключил ноутбук, полежал, посмотрел на Дунай — баржи, огни, — и подумал, что если это сумасшествие, то оно, по крайней мере, пунктуальное.

Он лёг в одиннадцать сорок. Смотреть в потолок.

Без пяти двенадцать темнота вокруг него стала другой. Не чернотой спальни — спальня исчезла вместе с одеялом, — а той самой, тёплой, плотной, как воздух в комнате, где только что горела лампа.

Она уже ждала.

— Пунктуальный, — сказала она, и он услышал в её голосе улыбку. — Я тут думала, что ты не придёшь. — Уже почти решила, что выдумала тебя.

— Опоздать на собственное сумасшествие было бы обидно, — сказал Уилл.

— Так, ты Уилл. А я Мэгги. Мы это уже проходили.

— Проходили, — согласился он. — Значит, еще одна ночь. Полночь. Оба здесь.

— Значит, — она помолчала, — не оба. Потому что один из нас — я — не выходила отсюда. — Понимаешь? Я проснулась. Потом снова уснула. Потом снова полночь — и я здесь. А между полночами меня здесь не было и был только этот... он услышал, как она обводит рукой все вокруг, хотя руки не было видно. — Вот это.

— Сильно, — сказал он.

— Мне бы кто-нибудь объяснил в чем дело, — она вздохнула.

— Скажи честно. Тебе не кажется, что мы оба сошли с ума? Просто у нас одно сумасшествие на двоих. Бывает же такое? Инфекция какая-то.

— Бред как коллективное явление, — сказал Уилл.

Юридическое образование не даёт мне говорить об этом. Кстати, — он осёкся.

— Что?

— Я юрист, — сказал он с удивлением. — Только что вспомнил. Я юрист. Помню контору. Партнёра, который пьёт турецкий кофе. Не помню фамилию.

— Смотри-ка, — сказала она тихо. — А я — я делаю сады. Я это вспомнила ещё прошлую ночь. И того заказчика помню, у которого «дерево куда-нибудь туда». — Она замолчала, и он услышал, как что-то проходит по ней — как тень по воде. — Слышишь, что получается? Мы помним работу. Мы не помним имён и не помним, почему мы здесь.

— Потому что имён здесь не должно быть, — сказал Уилл неуверенно.

— Так, кажется, работает сон. Во сне ты не помнишь, кто ты. Ты просто есть.

— Сны заканчиваются, — сказала она с той тихой убедительностью, с какой говорят люди, которые это уже проверили. — Этот не заканчивается.

Второй раз. Значит, это не сон.

И тут под его ногой что-то хрустнуло.

Оба замерли.

— Ты слышал? — спросила она.

— Слышал.

Здесь вообще никогда не было звука, кроме моих слов и твоих.

Никакого хруста. Ни-че-го.

Он наклонился — и не понял, куда наклонился, потому что пола не было видно. Но рука — рука знала. Пальцы сомкнулись на чём-то маленьком, круглом, гладком.

— Есть, — сказал он. — Вещь.

— Какая?

Он повертел её в пальцах, потом — откуда-то из инстинкта — поднял выше, будто хотел показать. Света не было. Но камень, как назло — или как по заказу, — проступил в темноте сам, тёмный, с белой прожилкой, которая, если повернуть, складывалась в полумесяц.

— Камень, — сказал он. — Галька. Речная, похоже. С белой жилкой.

— Дай.

Он нашёл её руку — маленькую, узкую, — вложил камень в ладонь и закрыл её пальцы сверху. Она молчала секунд пять.

— Река, — сказала она наконец. — Ты говорил — тебе снилась река.

...

— Уилл, — она произнесла его имя не так, как раньше, — мне снилась река. Каждую ночь. И мне там страшно, и я не знаю почему, а теперь у меня в руке камень с той реки. Я бы запомнила. Я бы... — она осеклась.

— Что?

Ничего. Просто на секунду показалось, что я... это не важно. — Она не отдала камень. — Он мой.

— Он из моего сна, — сказал он, но без нажима.

— Значит, у нас общий сон, — сказала она просто.

И добавила с той же всезнающей интонацией, с какой только что говорила про конец снов: — Один на двоих. Ничего себе сумасшествие.

Они стояли рядом — как стояли, без расстояний и без лиц, — и оба держались за один камень, и было в этом что-то настолько домашнее, что стало неловко.

— Слушай, — сказал Уилл наконец. — А если проверить?

— Проверить что?

Взять его с собой. Когда все это закончится.

Когда я проснусь утром. Если камень проснётся вместе со мной — значит, это не сумасшествие.

Значит, это что-то другое.

Она молчала.

— А если не проснётся? — спросила она тихо.

— Тогда я утром выпью свой кофе и решу, что мне приснилась красивая девушка с хорошим чувством юмора, и буду грустить ровно до вечера.

— Красивую? — она усмехнулась. — Ты меня даже не видел.

— Голос такой, — сказал он. — У таких голосов красивые хозяйки.

— Ладно, — сказала она. И сжала его руку, вместе с камнем, чуть сильнее, чем нужно было для передачи гальки. — Только одно условие, Уилл.

Если он проснётся с тобой — ты придёшь сюда и расскажешь мне первым. Мне нужен хоть один человек, для которого я не выдумка.

— Договорились, — сказал он.

Ударил первый. Мягко, костяшками по дереву.

— Уходишь? — спросила она.

— Ухожу.

Стой. — И она быстро, торопливо, как в прошлый раз, сказала: — Запомни: камень в левом кармане. Я буду ждать. Каждую полночь.

Он не успел ответить — темнота вздохнула.

И он проснулся.

Спальня. Серый рассвет. Дунай за окном. Баржа шла вверх по течению и шлёпала об опоры, будто тоже отсчитывала удары.

Он лежал, глядя в потолок, и думал, как заведено у нормальных людей: сон.

Просто сон. Странная ночь, недосып, переработки — и голос, которого не было.

А потом он машинально сунул руку под одеяло. В левый карман пижамных штанов — жест почти бессмысленный, пустяковый, сделанный раньше мысли.

И замер.

Пальцы нащупали гладкое, круглое, холодное. Он вытащил руку.

На ладони лежал камень. Тёмный, речной, с белой прожилкой, которая при повороте складывалась в полумесяц.

Он не двигался очень долго. Где-то внизу просыпался город; на кухне капал кран; баржа ушла за поворот.

Лука Варга, человек, который жил доказательствами, сидел в постели с доказательством в руке и не знал, что с ним делать — адвокатская практика таких дел не предусмотрела.

— Чёрт, — сказал он наконец, и голос у него сел. —

— Чёрт бы побрал эту полночь.

Тем временем уже в «их» городе:

— Проснулся, — сказала она тихо. Ей никто не ответил, но она знала проснулся. — Значит, не сумасшествие. Значит, ты настоящий.

Темнота мягко согласилась.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.